По мере того как время медленно тянулось, Чжан Вэй всё больше скучал, просто наблюдая, как трое других играют.— Ох, — вздохнул он и беспокойно пошевелился на стуле, мечтая присоединиться к игре, хотя он и не особо увлекался видеоиграми. Разочарованный, он достал телефон и начал бесцельно тревожить Лэн Ян и Роуз по очереди, зловещая ухмылка расплзлась по его лицу.— Ха, иметь несколько женщин действительно выгодно, — подумал он про себя, продолжая их раздражать. Тем временем, Сунь Шоушань была полностью погружена в игру, её глаза неотрывно смотрели на экран, пока она уничтожала игроков одного за другим. Внезапно она что-то вспомнила и повернулась к Е Фэну, хитрая улыбка играла на её губах.— Эй, Е Фэн, ты когда-нибудь убивал человека? — спросила она, её голос был полным любопытства. Одним быстрым щелчком мыши она уничтожила ещё одного игрока, вызывая фонтан крови из головы его аватара и смерть. Е Фэн продолжал играть, будто никогда не слышал её вопроса, но Чжан Вэй заметил лёгкое дрожание в его глазах, которое намекало на что-то более глубокое. Сунь Шоушань фыркнула, когда Е Фэн не ответил, и повернулась к Чжану Вэю, лукавое сияние в её глазах.— Эй, ты знаешь, каково это — убить кого-то? — спросила она с любопытством, адреналин игры всё ещё пульсировал в её крови. Чжан Вэй отвлекся от телефона, услышав слова: "Убить кого-то?" — произнесённые рядом с ним. Он положил телефон и посмотрел на неё с вдумчивым выражением лица.— Ты на самом деле ничего не чувствуешь, пока не захочешь это почувствовать, — сказал он, его голос был спокойным и взвешенным.— Те, кто утверждают, что чувствуют вину, делают это потому, что считают, что совершили что-то плохое. Но для тех, кто считает, что не сделал ничего плохого, всё кажется нормальным. Вдруг его тон изменился, став темнее и более интенсивным. Его глаза устремились вдаль, как будто он видел что-то, чего не видел никто другой.— Но как только ты взял жизнь, нет возврата, — продолжил он. — Ты понимаешь, что правила общества, полиция и все эти конструкции — это просто превентивные меры, а не абсолютные.— Они не боги, и их правила не неуязвимы. Ты видишь, насколько хрупка человеческая жизнь, и больше никогда не сможешь довериться кому-то другому в её защите. Чжан Вэй продолжал, его голос становился всё более зловещим:— Ты должен брать дела в свои руки, потому что закон вступает в силу только после того, как преступление уже совершено. Как только ты это примешь, ты сможешь убивать снова и снова — во второй раз, в третий и так далее. Это становится легче каждый раз.— Ты понимаешь, что ты сам управляешь своей судьбой, и единственный закон, который имеет значение, — это тот, который ты создаёшь для себя. Сунь Шоушань была заинтригована и спросила Чжан Вэя:— Разве убийство не преступление? Чжан Вэй кивнул в согласии.— Почему, по-твоему, экспериментировать на тараканах приемлемо, а убивать бабочек — нет? — ответил он, его голос был спокойным и взвешенным. Их разговор перешёл в дебаты о концепции убийства и его отношениях к полезности организма для общества. Чжан Вэй объяснил, что исследователи и учёные, которые вносят положительный вклад в общество, считаются более ценными, чем другие. И наоборот, те, кто причиняет вред или обеспечивает отрицательную полезность, такие как преступники, должны быть нейтрализованы срочно. Вопрос о том, имеет ли человеческая жизнь значение, требует исследования того, как назначается ценность. Заинтригованная дискуссией, Сунь Шоушань спросила:— Если убийство не плохо, то почему люди чувствуют себя изолированными или сходят с ума после этого? Она видела это в фильмах и сериалах, где персонажи, совершившие убийство, становились изолированными, отключёнными или даже сходили с ума. Чжан Вэй взглянул на Е Фэна, который, казалось, становился всё более некомфортным из-за их разговора. Но улыбка Чжан Вэя оставалась, когда он тщательно выбирал свои слова:— Они не чувствуют себя изолированными...— Что? — Сунь Шоушань подняла глаза от экрана, удивлённая заявлением Чжан Вэя.— Они чувствуют себя чужими, а не изолированными, — объяснил Чжан Вэй. — Люди — социальные существа. Мы хотим делиться тем, что сделали, делиться чувствами о том, каково это — убить с другими. Но когда ты взял жизнь, ты становишься изгоем.— Ты больше не часть общества, к которому принадлежал. Ты больше не такой, как все остальные. Это приводит к глубокому чувству одиночества и

отключения. Выражение лица Чжан Вэя стало мрачным, когда он продолжал:— Когда солдат находится в армии, даже после убийства, он быстро адаптируется, потому что все вокруг него — убийцы. Они могут делиться своими опытами и понимать друг друга.— Но как только он возвращается в реальный мир, он чувствует себя задыхающимся, потому что не может поделиться своими чувствами с кем-либо. Он был обучен думать, что убийство плохо, но он всё равно это сделал.— Его запрограммировали думать одним образом, но его опыт говорит другое. Сунь Шоушань слушала внимательно, очарованная глубиной понимания Чжан Вэя.— Так почему солдаты чувствуют необходимость делиться своими опытами с другими? — спросил он. Глаза Чжан Вэя сияли пониманием, когда он ответил:— Они хотят признания. Они хотят, чтобы кто-то сказал им, что то, что они сделали, было нормально. Если человек уже принял, что он не сделал ничего плохого, то ему не нужно делиться своими опытами с другими, чтобы оправдать свои действия.— Но для большинства людей вес того, что они сделали, слишком тяжел, чтобы нести его в одиночку. Большинство людей слабы! Чжан Вэй наклонился вперёд и говорил глубоко:— Это не ограничивается только убийством. Есть люди в целом, которые не вписываются в форму, которые оспаривают статус-кво. Люди, которые не хотят следовать типичному пути школы, колледжа, работы, брака и смерти.— Они хотят исследовать новые способы жизни, освободиться от ограничений общества. А есть те, кто оспаривает саму природу реальности.— Люди, которые бросают вызов традиционным представлениям о добре и зле, правильном и неправильном. Те, кто оспаривает существование Бога, цель жизни и саму ткань вселенной. Все эти люди отличаются от толпы, и это страх быть разным, что приводит к их отчуждению от общества. Сунь Шоушань слушала, очарованная словами Чжан Вэя. Чжан Вэй продолжал:— Эти люди часто видятся угрозой для общества. Они представляют вызов установленному порядку, и это заставляет людей чувствовать себя некомфортно.— Но важно помнить, что эти люди не обязательно опасны для общества. Они просто исследуют различные способы жизни, различные способы понимания мира вокруг них. Это только когда их вытесняют на окраину общества, что они становятся проблемой. Чжан Вэй наклонился вперёд, его глаза были интенсивными, когда он говорил:— Это не ограничивается только убийством.— Есть люди там, которые не вписываются в общий порядок или норму.— Все эти люди отличаются от толпы.— Все эти люди не слепо следуют тому, что им сказали.— В целом, эти люди называются 'девиантами', все они отклоняются от нормального порядка мышления.— Но если эти девианты не придут к согласию со своими собственными мыслями и действиями, они могут закончить как твой друг Е Фэн — внутренне задыхаясь и раздираемый, притворяясь сильным и собранным, — продолжал Чжан Вэй. *Бам!* Е Фэн вдруг встал, его стул грохнулся на землю. Он схватил Чжан Вэя за воротник и крикнул:— Заткни свою пасть уже! Что ты ей преподаёшь? Внезапный всплеск Е Фэна удивил Сунь Шоушань и Фэн Синьюэ, которые обе вскочили со своих мест. Чжан Вэй, однако, оставался спокойным и собранным, встречая гневный взгляд Е Фэна хитрой ухмылкой. Когда Е Фэн схватил его за воротник, Чжан Вэй наклонился ближе и прошептал насмешливо:— Наёмник, пришедший в мир гражданских, живущий как нищий...— Позволь мне угадать, у тебя есть деньги, но ты считаешь их дурными, потому что они пришли из злых источников? Я попал в больную точку?— Ты устал от бегания, постоянно убегая с поля боя? Или ты вдруг осознал, что работа, которую ты делал, была злой? Руки Е Фэна тряслись от ярости, когда он спросил:— Кто ты такой? Его лицо было искажено гневом, но Чжан Вэй, казалось, наслаждался собой. Внезапно зазвонил телефон Е Фэна, прервав напряжённый момент. Он схватил его и ушёл от Чжан Вэя, но острые уши Чжан Вэя всё же подслушали разговор.— Тск, собака! — рассмеялся Чжан Вэй про себя, когда слушал разговор Е Фэна с Линь Руокси. Покорность Е Фэна была очевидна, и Чжан Вэй не мог не думать о нём как о собаке на поводке, послушно следующей за приказами своего хозяина. Чжан Вэй потерял всякое уважение к тому, кто так себя ведёт, как он только что видел в телефонном разговоре. Е Фэн, казалось, в спешке, поспешно схватил ключи от машины и бросил на Чжан Вэя последний гневный взгляд, прежде чем выбежать из места. Очевидно, что он уже опаздывал на встречу с Линь Руокси, и дальнейшая задержка могла привести к её

выговору. Сунь Шоушань, испытывая вину и смущение от поведения Чжан Вэя, повернулась к нему и заговорила скромным тоном:— Мне жаль за то, что было раньше, — извинилась она искренне. Чжан Вэй поправил воротник и рассмеялся.— Забудь, — ответил он гладко, зная, что его миссия уже была выполнена. За о

<http://tl.rulate.ru/book/114157/4336364>